

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

СКИТАНИЯ

Александр Волков

Скитания

«ФТМ»

1963

Волков А. М.

Скитания / А. М. Волков — «ФТМ», 1963

Повесть о детстве и юности Джордано Бруно, гениального астронома эпохи
Возрождения.

© Волков А. М., 1963

© ФТМ, 1963

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	18
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Мелентьевич Волков

Скитания

Часть первая Детство

Глава первая «Старик» сердится

Густая, давящая тьма южной ночи то и дело освещалась багровыми вспышками пламени. Снопы огня, вылетающие из кратера, показывали Фелипе дорогу. В темноте он не смог бы ее найти: тропка вилась среди камней, застывших потоков лавы, сугробов пепла, скрывавших провалы в крутом склоне Везувия.

И все же мальчик упорно взбирался к самому краю кратера, туда, где за гребнем в огромной воронке клокотала лава.

Небо покрывали темные, страшные тучи, прорезаемые зигзагами молний. Но грома не было слышно: его заглушал могучий низкий рокот вулкана. Из туч, как хлопья грязного снега, сыпался горячий серый пепел. Он обжигал непокрытую кудрявую голову мальчика, шею, голые ноги. Фелипе ежеминутно стряхивал с себя пепел, а широко раскрытые синие глаза мальчугана всматривались вперед, выбирая дорогу.

Какой длинной и жуткой представлялась теперь дорога, по которой Фелипе с товарищами много раз поднимались к жерлу Везувия! Тогда, при блеске солнца, под безоблачным небом, путь от селения до вершины кратера проходил незаметно. Но сейчас... когда склон горы под ногами содрогался от подземных взрывов, когда смена мрака и вспышек вулканического огня утомляла зрение, а дым щипал глаза... сейчас было иное дело. И все-таки...

«Вперед, Фелипе, вперед! Ты же не трус!..»

Раздался оглушительный удар, перед мальчиком возникла расщелина в земле, и из нее вылетел столб едких серных паров. При свете молнии, блеснувшей над головой, Фелипе перепрыгнул через препятствие.

«Ничего, ничего, – упрямо думал Фелипе, – пусть попробует пробраться к кратеру Луисиспанец...»

Смелый и изобретательный на всякие шалости, Филиппо Бруно в свои десять лет был признанным предводителем мальчишек Сан-Джованни ди Ческо. Этот крохотный пригород Нолы раскинулся у подножия горы Чикала, за городской стеной, но его жители с гордостью называли себя ноланцами.

В виноградниках и садах, окружавших Сан-Джованни, в тенистых рощах на склонах Чикалы, в оврагах у ее подножия ребятам было раздолье. Веселая гурьба мальчишек забиралась в сады, совершала набеги за арбузами и дынями, а управившись с добычей, компания разбивалась пополам, и грозные блюстители правосудия с гиком преследовали кровожадных бандитов.

Когда за налеты на чужие владения виновникам перепадали чересчур большие порции розог, обиженные уходили на Везувий. С его вершины открывался чудесный вид. На северо-востоке рисовались белые стены Нолы, левее выглядывали из густых рощ Помильяно д'Арко, Ачерра, еще левее виднелись Касория, Афрагола, Кайвано... Эту благодатную землю люди густо заселили с незапамятных времен.

На юге нестерпимой синевой блестело море, а на востоке будто прямо из залива поднимались башни и дворцы Неаполя.

Неповторимый, чудесный край! Неизгладимо запала его красота в душу Фелипе, и через всю жизнь он пронес ее с собой.

Налюбовавшись знакомыми, но никогда не надоедавшими картинами, Бруно спускался в кратер и шел, пока почва не начинала жечь ноги сквозь толстые деревянные подошвы башмаков.

Испуганные товарищи кричали:

– Назад, Фелипе, вернись! Дождешься, что унесут тебя черти!

Среди жителей Неаполя и окрестных городов ходила молва, что жерло Везувия – прямой спуск в ад.

Фелипе, посмеиваясь над трусостью товарищей, возвращался. Он уже знал от отца, что это сказки.

Осенью 1557 года в Нолу на должность барджелло – капитана городской стражи – приехал испанец Диэго Ромеро. Испанские завоеватели, под властью которых уже больше ста лет¹ находился Неаполь, не доверяли итальянцам и даже незначительные посты замещали своими людьми.

У Диэго Ромеро оказался сын Луис, долговязый мальчишка года на полтора старше Фелипе. Появившись в Ноле, Луис быстро освоился с новой обстановкой и собрал компанию товарищей – детей богатых дворян, купцов, судовладельцев.

Команде Луиса наскучило играть на тесных улицах Нолы и в развалинах древнего амфитеатра, и ребята выбрались за город. А где найти лучшее место для игр, чем склоны Чикалы, заросшей оливками и апельсиновыми рощами, и овраги у ее подножия, в глубине которых выбивались из-под земли прозрачные родники? Но сан-джованнские мальчишки считали Чикалу своей исконной вотчиной, где играли в детстве их отцы и деды.

Между двумя мальчишескими шайками разгорелась настоящая война с наступлениями и отступлениями, с засадами и битвами, когда обильно лилась кровь из расквашенных носов.

Несколько месяцев борьбы не принесли перевеса ни той, ни другой стороне, и решено было покончить дело единоборством вождей: кто победит, тот и будет владеть Чикалой с окрестностями. Дважды сходились соперники. Луис был старше Фелипе, сильнее его, но Фелипе превосходил противника ловкостью и выносливостью. Схватки окончились вничью.

И тогда Фелипе Бруно предложил необычный способ решить спор, заставив содрогнуться даже самых смелых.

В конце марта Везувий, до того мирно кутившийся в продолжение многих лет, вдруг проснулся. Стены домов не только в близких местечках Сан-Джузеппе Везувиано и Портичи, но даже в Неаполе и Ноле дрожали от подземных толчков. Дым из вулкана поднимался столбом и растекался по небу плотным облаком, напоминавшим крону пинии² чудовищных размеров. Вода в колодцах начала пересыхать – верный признак близости извержения.

По ночам над кратером тревожно дрожало зарево. Оно возвещало, что раскаленная лава поднимается из земных недр и, быть может, близок день, когда, перевалив через гребень кратера, она медленным, неумолимым потоком двинется на людские жилища, сады, виноградники.

Седобородые деды вспоминали 1500-й год.

– Начиналось так же, – говорили они. – Старик сердился, пыхтел, дымил, а потом начал плевать лавой, сжег Сан-Джузеппе Везувиано и тысячи садов. Тогда лава двигалась

---

¹ В 1442 году Неаполь попал под власть арагонского короля. Позднее, в 1479 году, два государства, существовавшие на территории Пиренейского полуострова, Арагон и Кастилия, объединились под названием королевства Испания. Неаполь оставался в подчинении у испанцев до 1701 года и управлялся вице-королем, которого назначал испанский монарх.

² Пиния – итальянская сосна.

на восток, но что помешает ей пробить кратер на севере и хлынуть на Нолу или же наоборот, прорваться к югу, на Торре-Аннунциату?..

В церквах служили молебны патрону³ Неаполя, святому Дженнаро. Верующие просили покровителя походатайствовать перед Богом, чтобы тот укротил ярость подземных сил.

Страх владел сердцами. И днем и в ночное время люди выходили из домов посмотреть, нет ли признаков близкого извержения.

И в такое грозное время этот сумасшедший Фелипе Бруно предложил Луису Ромеро:

– Поднимешься ночью к кратеру Везувия?

– А ты? – ответил вопросом Луис.

– Я поднимусь!

Враждующие команды стояли одна против другой с атаманами впереди. Луис Ромеро, высокий, с длинным смуглым лицом и крючковатым носом, с острым выдающимся подбородком, напряженно думал. Мальчик верил, что нечистые духи поднимаются из ада через кратер Везувия. Взобраться на вулкан ночью, когда адские силы особенно могущественны, когда от них не отобьешься ни молитвами, ни заклинаниями... Но отказаться ему, испанцу, представителю гордой расы победителей?..

И Луис, дрожа от страха и ярости, глухо вымолвил:

– Принимаю вызов!

Бросили жребий. Идти первому выпало Фелипе.

Перед закрытием городских ворот сторонники Ромеро, выбравшись из домов под благовидными предложениями или удрав тайком, двинулись к Сан-Джованни ди Ческо. У подножия Чикалы их дожидалось воинство Фелипе. Взволнованные ребята смешались в одну толпу и вполголоса разговаривали об удивительном поединке Фелипе Бруно и Луиса Ромеро.

После долгого пути черным провалом встало впереди ущелье. В его темноту и прохладу спускались гуськом, старшие поддерживали и ободряли младших. Однако, когда выбрались наверх и зарево недалекого вулкана осветило мальчишек, оказалось, что многие, воспользовавшись мраком, отстали и теперь, конечно, улепетывают домой.

Отсюда Фелипе должен был подниматься один. И тут Луис Ромеро нанес ему давно подготовленный удар.

– А как ты докажешь, что действительно побывал у кратера? – спросил испанец. – Можно посидеть в укромном местечке, а потом хвастаться подвигом!

Вопрос не застал Фелипе врасплох.

– Месяц назад, – сказал Бруно, – мы схоронили на гребне кратера голубка и поставили на его могилке крест.

– Правда, правда, – зашумели ребячьи голоса.

– Я принесу этот крест.

Луис мрачно кивнул головой, и фигурка Фелипе исчезла в лабиринте камней.

Оставив товарищей, маленький смельчак преодолел большую часть пути, но самое трудное оставалось впереди.

Обжигаемый горячим пеплом, с трудом дыша воздухом, отравленным серными испарениями, Фелипе карабкался по склону. Вдруг он отпрянул: дорогу преградил поток лавы. Густая расплавленная масса темно-вишневого цвета, похожая на раскаленное железо и почти такая же плотная, ползла с горы, и от нее веяло нестерпимым жаром. Ширина потока достигала двадцати шагов, и перепрыгнуть через него было невозможно. Оставалось одно: успеть обогнуть огненную реку, благо она спускалась медленно. И Фелипе, проваливаясь в горячие сугробы, скользя, падая и поднимаясь, понесся вниз по берегу лавового потока. Мальчику удалось опе-

---

³ Патрон – покровитель.

редить его. Не задумываясь, удастся ли возвратиться, он повернулся и двинулся к близкой уже вершине.

И вот Фелипе на краю кратера. В огромном жерле клокотала, поднималась огромными пузырями и опадала лава, озаряя ночь зловещим светом.

Мальчик пошел по гребню. А вдруг крест исчез, сожженный извержением! Нет, он здесь, он еще цел, но Фелипе побоялся протянуть к нему руку. Казалось, крест изваян из раскаленного железа, такой красный свет излучали его перекладыны. И вдруг мальчик догадался, что дерево освещено багровыми отблесками кипящей лавы. Фелипе хотел выдернуть крест, но лукаво улыбнулся и отломил перекладину. Он с невольным страхом посмотрел на бушующую огненную поверхность, по которой, как молнии, пробежали ослепительно сверкавшие белые полосы.

«Не дай бог упасть в это пекло», – подумал мальчик.

Фелипе постоял несколько мгновений и направился в обратный путь.

Дорога вниз оказалась намного труднее подъема. Неудержимая сила влекла мальчугана под гору, угрожая превратить его спуск в бешеный бег, где каждая встречная рытвина могла принести гибель.

Фелипе спускался осторожно, изо всех сил откидываясь назад, огибая скалы, перескакивая через расщелины. Но вот поток лавы, с которым уже встречался Фелипе, снова появился на его пути. Огненная река ушла далеко, выпустив заливы, разделившись на рукава.

Мальчик видел начало потока, которое ползло вниз, подталкиваемое его исполинской огненной массой, но дорогу пересек новый лавовый поток. Он впадал в главную реку откуда-то сбоку, и ширина его была не меньше шести шагов. Такое расстояние Фелипе перепрыгнуть не мог.

Смертельная опасность угрожала мальчику, зажатому на полуострове между двух раскаленных лавовых рек, которые вот-вот могли слиться. Опаляемый горячим пеплом, задыхающийся от серных паров, Фелипе осмотрелся в поисках камня, который можно было бы бросить на середину потока, как спасительный островок. Но вокруг виднелись скалы или слишком мелкие обломки, которые не могли послужить опорой при прыжке. Бежали быстротечные минуты, и у Фелипе оставалось все меньше и меньше надежды на спасение.

Глава вторая Отцы и сыновья

Мальчиков томила тревога. Сбившись кучкой, они не сводили глаз с поворота тропинки, где должен был появиться Фелипе. Но время проходило, а его все не было.

– Уж не стряслось ли с Фелипе несчастье? – прошептал Паоло Рангони, голубь которого был похоронен на гребне кратера.

– Да хранит его Феличе, святой покровитель Нолы... – подхватил Себастьяно Ленци и набожно перекрестился.

Его примеру последовали другие. И снова потянулись минуты мучительного ожидания. Оно было прервано испуганным возгласом маленького Пьетро Савелли:

– Смотрите-ка, сзади огни!

Все обернулись. Действительно, во тьме ущелья виднелись два ярких огонька. Мальчики плотнее прижались друг к другу. Что это могло быть? Блуждающие огоньки, сопутствующие привидениям, или факелы в руках людей? И неизвестно, что было опаснее: встреча с привидением или с грабителями, которых так много бродило по дорогам Италии.

Огни быстро приближались, то сходясь, то удаляясь друг от друга. Прошло несколько минут, и мальчики различили фигуры трех мужчин.

– Пресвятая дева! – со страхом воскликнул Луис Ромеро. – Это отец.

Луис не ошибся. Перед ребятами появился запыхавшийся и разгневанный капитан городской стражи. Его сопровождали двое подчиненных с факелами.

Барджелло набросился на стайку перепуганных мальчишек, ухватил сына за плечо и рывком поставил перед собой.

– Рассказывай, какую глупость вы тут затеяли? – злобно спросил испанец.

– Мы... мы ждем Фелипе Бруно...

– А где он?

– Пошел к кратеру...

– Безумство! – воскликнул барджелло.

– С нами святой Феличе... – прошептали стражники и устремили взоры на вершину Везувия, освещенную багровым пламенем.

– Зачем Бруно полез на вулкан? – спросил Ромеро-старший.

Луис молчал. Вместо него заговорил Джузеппе Висконти, двенадцатилетний сын ноланского патриция,⁴ не растерявшийся перед грозным начальником стражи.

– Простите, синьор, – сказал Джузеппе, – здесь решается вопрос о смелости.

– О чьей смелости?

– Вашего сына и Фелипе Бруно...

– Ну?! – рявкнул капитан.

– Жребий идти первому выпал Фелипе. Если он вернется... – голос мальчика дрогнул, – должен будет подниматься Луис.

– Это правда? – Капитан круглыми ястребиными глазами уставился в лицо сына.

– Да... – прошептал Луис.

– И ты решился на это без моего позволения?

– Прости, отец, – это дело чести.

– Дело чести? Выдумки! Сейчас же пойдешь со мной. За ущельем нас ждут лошади.

Луис выпрямился. Лицо его загорелось гневом и возмущением.

---

⁴ Патриций – человек знатного рода, представитель высшего круга общества.

– Я не могу, отец! Я дал слово!

– Ха-ха-ха! Он дал слово! Кому? Мальчишке! Итальянцу!! Сыну побежденной нации!

Диего повернулся, держа за руку сына. Но тот вывернулся и побежал туда, где гремел вулкан и отблески лавы освещали небо зловещим заревом. Это случилось неожиданно; капитан растерялся и упустил несколько драгоценных мгновений. Луис скрылся за нагромождением камней, когда спохватившийся Ромеро-старший кинулся догонять его. Охрипшим от ярости голосом он приказал подчиненным:

– Альфонсо, Томмазо, за мной!

Стражники прекрасно понимали, что им грозит, если они упустят беглеца. Быстроногий Альфонсо ринулся вперед, а старик Томмазо задержался и кинул ребятам:

– Это Лоренцо Секки поднял тревогу. Прибежал в город, заколотил в ворота, как сумасшедший, и все рассказал. Ну, сами понимаете, барджелло взбесился и... вот! – Хромоногий Томмазо не спеша заковылял за начальником, которого далеко обогнал ретивый Альфонсо.

Брыкающегося Луиса стражник потащил прочь.

– Отец, ты меня опозорил! – дико кричал Луис.

– Пустяки! – хладнокровно возражал барджелло.

Вопли Луиса замолкли вдали, и ребята наперебой заговорили о случившемся. После недолгого спора они решили, что Луиса нельзя винить за нарушение слова, ведь его унесли насильно. И когда разговор смолк, Паоло горестно воскликнул:

– А Фелипе все нет!

– Фелипе здесь! – отозвался слабый голос, и мальчики с изумлением и радостью увидели, что к ним ползет по тропинке тот, на чье возвращение они потеряли надежду.

Несколько старших ребят бросились навстречу Фелипе и подняли его. Вид мальчика был ужасен: рубашка и штаны прогорели во многих местах, кожа на лице и плечах вздулась волдырями, и особенно были обожжены ноги.

Немного оправившись и напившись воды из фляжки, оказавшейся у одного из ребят, Фелипе рассказал, как ему удалось подняться на гребень кратера и найти крест. Его перекладину Бруно принес с собой, и обе партии признали, что Фелипе честно выполнил свою задачу.

О том, как он спускался, мальчик сказал коротко. Отрезанный от подножия горы двумя потоками лавы, Фелипе вынужден был пожертвовать башмаками. Он бросил их на середину более узкого потока так, чтобы они легли рядом. Воспользовавшись башмаками как опорой, Фелипе в два отчаянных прыжка перемахнул через поток. Оглянувшись, он увидел, как башмаки пылали белым пламенем на огненно-вишневой поверхности лавы.

В дальнейший путь Фелипе пустился босиком по горячим камням, по обжигающей россыпи пепла. Он шел, пока мог, а потом пополз...

Окончив рассказ, Фелипе слабым голосом спросил:

– А где Луис? Ему надо спешить, чтобы успеть побывать на вершине до рассвета. Но он должен выбрать другой путь...

Джузеппе Висконти огорченно сказал:

– Луиса нет.

– Сбежал? Струсил? – оживился Фелипе.

– Нет, его увел отец.

Ребята рассказали о появлении капитана Ромеро и о том, как держал себя Луис.

– Я думаю, – сказал Джузеппе, – что Луис исполнит обещание и пойдет на Везувий завтра ночью. А мы понесем тебя в Сан-Джованни...

Но едва мальчики подняли товарища, как из ущелья послышались крики:

– О-э! О-э!!

– О-э-э!.. – хором завопили ребята. – Мы здесь!

И вскоре новая группа людей появилась перед изумленными мальчиками, которые никак не предполагали, что их ночное приключение наделает столько переполоха. На этот раз по крутому склону ущелья взобрались жители Сан-Джованни ди Ческо, и вел их старый Бруно, широкоплечий человек с военной выправкой, с мужественным лицом, покрытым шрамами от старых ран. За Джованни Бруно следовали отец Паоло Рангони, старший брат Себастьяно Ленци, мать маленького Пьетро Савелли и другие.

Сан-джованнским мальчишкам стало не по себе: они почувствовали, что их похождение добром не кончится и, пожалуй, за него придется расплатиться подороже, чем за налеты на чужие сады. Вид старших, которым после утомительной дневной работы пришлось покинуть постели и пройти ночью несколько миль,⁵ был далеко не обнадеживающим. Ребятам со страху даже показалось, что кое-кто из пришедших прячет за спиной хворостины.

Джованни Бруно бросился к сыну:

– Мальчик мой, ты весь изранен!

Несмотря на жгучую боль от ожогов, Фелипе улыбнулся и гордо сказал:

– Отец, я был на Везувии!

– Да, я знаю о твоём споре с Луисом Ромеро. Хромой Томмазо нам все рассказал. Ты поступил безрассудно, сын мой, но я горжусь тобой!

Сан-джованнские мальчишки обрадованно переглянулись: как видно, дело с ночным побегом принимало благоприятный оборот.

Обнимая и лаская сына, Джованни продолжал говорить, и из его слов выходило, что Фелипе, совершив смелое восхождение, защитил свою честь, честь родного поселка, честь древней Нолы... Старый пылкий альфьеро⁶ наконец договорился до того, что поступком сына спасена честь порабожденной Италии перед лицом ее угнетателей-испанцев!

У Фелипе уже не было сил слушать похвалы отца, и он устало закрыл глаза.

Джованни взял сына на руки, нежно прижал к груди и понес, бережно ступая по каменистой тропинке. За ним врассыпную двинулись остальные. Ребята держались поодаль. Они не верили приглашениям взрослых подойти поближе, хотя оказалось, что ни у кого из старших не было хворостин.

Тревожная ночь подходила к концу.

---

⁵ Неаполитанская миля равнялась 2 километрам 226 метрам.

⁶ Альфьеро (ит.) – знаменосец полка.

Глава третья

Болезнь

Занялось сумрачное утро, когда усталый отец принес крепко спящего Фелипе. Фраулиса с плачем кинулась к сыну, но Джованни удержал ее:

– Тише, мать! Мальчугану нужен покой.

Фелипе не проснулся и тогда, когда его ожоги смазывали оливковым маслом и бинтовали, меняли на нем одежду, укладывали в постель.

Спал Фелипе и в полдень, когда в дом Бруно ворвался встревоженный Лодовико Тансилло, друг и бывший сослуживец хозяина дома.

– Что с моим крестником? – вскричал Лодовико, изящный человек с длинными, зачесанными назад волосами и курчавой бородкой. – Мне сказали, что этой ночью он был на вулкане?

Увидев спящего мальчика, Тансилло успокоился, притих и попросил у Фраулисы пить.

– Я почти всю дорогу от Венозы бежал, – объяснил он. – Люблю шалопая: ничего не подделаешь, ученик!

Фраулиса, худошавая, изможденная трудом женщина средних лет, подала гостю кружку виноградного вина.

– Уж что правда, то правда, сер⁷ Лодовико, – согласилась она. – Наверно, только святому Феличе под силу сосчитать, сколько вы потратили трудов, обучая мальчонку грамоте.

Тансилло рассмеялся.

– Без святого Феличе обойдемся: счет-то короткий. Мальчуган впитывает науку, как губка воду. Вы только подумайте: и месяца не прошло, как он узнал буквы, а уж читал «Божественную комедию» нашего гениального Данте!⁸ Да ведь мало того, что читал: после первого же раза многие стихи повторял наизусть. Прекрасная у Фелипе память, хотя в этом есть и моя заслуга: вот уже два года я стараюсь упражнениями развить эту его способность.

– Я не умудрен в книжном учении, друг Лодовико, – молвил Джованни Бруно, – но то, что вы говорите о Фелипе, наполняет мое сердце радостью.

– Какие вы, право, бесстрашные, мужчины, – сердито вмешалась Фраулиса. – Хвалите Фелипе вслух, а о том не думаете, что злые духи могут позавидовать и напустить на мальчика порчу.

– Э, синьора Фраулиса, – возразил Тансилло, – вы суеверны! Если человек верит в Бога и соблюдает уставы святой церкви, ему демоны не страшны.

– И я так же думаю, – подхватил Джованни.

Видя, что женщина, неубежденная их доводами, обидчиво поджала губы, старые друзья перевели разговор на другое. Джованни стал рассказывать о соперничестве сына с маленьким испанцем и о том, как Фелипе предложил разрешить спор.

Тансилло пришел в восторг.

– Клянусь Вергилием,⁹ – вскричал он, – у мальчишки отважная душа! Я напишу об этом подвиге сонет.¹⁰

– И я уверен, – сказал Бруно, – что этот сонет станет так же широко известен, как и другие ваши стихи, как то прекрасное произведение, которое я помню наизусть:

---

⁷ Сер (ит.) – обращение, к гражданам среднего сословия соответствовало старинному русскому «сударь».

⁸ Данте Алигьери (1265–1321) – уроженец Флоренции, величайший итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия».

⁹ Вергилий (70–19 гг. до н. э.) – известный римский поэт. В средние века итальянцы считали, что он был наделен пророческим даром, и чтит его наравне с христианскими святыми.

¹⁰ Сонет – стихотворение из четырнадцати строк, где рифмы чередуются определенным образом.

Когда свободно крылья я расправил,
Тем выше понесло меня волной,
Чем шире веял ветер надо мной...

Выслушав сонет, сер Лодовико разразился смехом:

– Э, дорогой мой, теперь я вижу, откуда у Фелипе такая память! Ведь я читал вам эти стихи только раз! Жалею, очень жалею, что вам не пришлось смолоду учиться, – из вас вышел бы толк!

Джованни Бруно сконфузился:

– Я не заслуживаю ваших похвал.

– Конечно, прошлого не воротишь, – молвил Тансилло, – и вам теперь уж не до науки, друг Джованни, но вы обязательно должны дать Фелипе образование.

Старый солдат грустно улыбнулся:

– Я бы и рад, да вы ведь знаете мои средства...

Вечером навестить Фелипе пришли его друзья во главе с Паоло Рангони и Себастьяно Ленци. Фраулиса не пустила их к больному.

– Но нам нужно рассказать ему важную вещь! – кипятился рыжий толстенный Себастьяно.

– Нет, нет! – Фраулиса решительно загородила дверь. – Ребенку вредно волноваться.

Только через два дня Себастьяно и Паоло прорвались к Фелипе, да и то лишь потому, что мальчик услышал их голоса и поднял бунт.

Ребята сели около постели больного и грустно смотрели на него. У Фелипе был жар, дыхание со свистом вырывалось из пересохших губ, повязки окутывали шею, руки, ноги. Но большие синие глаза смотрели гордо.

– Ну как, Луис подымался на Везувий? – был первый вопрос Фелипе.

Паоло отрицательно покачал головой.

– Значит, он все-таки струсил, и победа за нами! – торжествующе воскликнул Фелипе.

– Да видишь, какое дело, – заговорил Себастьяно, осторожно подбирая слова. – Вроде как будто его и винить нельзя... Отец его, барджелло, заставил Луиса дать клятву, что он не пойдет на гору...

– Клятву?!

– Заставил поклясться именем пресвятой девы, – подтвердил худенький бледный Паоло, сын ткача.

Изумленный Фелипе долго молчал, молчали и ребята. События приняли совершенно неожиданный оборот. Коварство капитана Ромеро ошеломило простодушных мальчиков. Конечно, Луис обязан был сдержать слово, данное ребятам, но нарушить клятву пресвятой деве... Это казалось таким страшным грехом, за который нет прощения ни в этой жизни, ни в будущей...

Наконец Фелипе хрипло проговорил:

– Скажите Луису, что я освобождаю его от восхождения на гору. Но когда я поправлюсь, придумаю новое испытание.

Себастьяно оживился:

– А знаешь, Фелипе, все-таки победа за нами! Те ребята, что играли с Луисом, не хотят с ним дружить. Они говорят, что Луис поступил нечестно, когда согласился дать клятву. Джузеппе Висконти сказал, что с него прежде содрали бы шкуру, чем он изменил бы слову. И он хочет, чтобы ты принял его в нашу компанию, когда выздоровеешь...

– Это мы еще посмотрим, – с притворным равнодушием отозвался Фелипе.

Но в душе он был польщен. Гордый Висконти, сын богача, сильный, ловкий мальчик, признает превосходство Фелипе: это чего-нибудь да стоит!

Мальчишки начали строить планы на будущее, но на них коршуном налетела Фраулиса и выгнала Паоло и Себастьяно.

На следующее утро Фелипе потребовал, чтобы его днем укладывали в саду под тенью цветущих деревьев. Крестный отец принес ему огромный том «Божественной комедии», и мальчик читал поэму вслух, упиваясь звучными терцинами¹¹ божественного флорентийца.¹²

По вечерам возвращался с поля отец, садился возле постели больного сына, и начинались сердечные разговоры.

Фелипе полюбил эти вечерние часы в тишине ароматного сада, когда уставшее солнце спускалось за горизонт, на юго-западе курился усмирившийся Везувий, а на чистом небе высыпали яркие южные звезды...

Отец вспоминал о тех временах, когда он и Лодовико Тансилло служили в кавалерийском полку. Лодовико был младшим офицером, а он, Джованни, знаменосцем, альфьеро.

– Это почетная, но и трудная служба, сынок, – говорил старый солдат. – Удары врагов прежде всего направляются на знамя. Где во время боя кипит самая ожесточенная схватка? Возле знамени! Ведь захватить знамя противника – высший подвиг воина. И немало жестоких ран получил я, защищая святыню полка...

Фелипе снова и снова с благоговением прикасался к рубцам на лице отца, на руках...

– Из-за этих ран мне, еще не старому человеку, пришлось оставить военную службу. В сорок пятом¹³ году я вернулся на родину с тремя десятками дукатов¹⁴ в кошельке: только и удалось скопить за многие годы из скудного солдатского жалованья. Поселился я здесь, в Ноле, женился на твоей матери. Через три года¹⁵ у нас родился ты...

– Отец, расскажи про походы, в которых ты участвовал!

Джованни улыбался:

– Сколько раз ты об этом слышал!

– Хочу еще...

И старый знаменщик рассказывал о своем боевом прошлом.

Джованни Бруно, сын бедняка, вступил в армию двадцатилетним юношей, когда за господство над Италией шла жестокая борьба между испанцами и французами. Италия представлялась богатой и легкой добычей, потому что она разделялась на много враждующих мелких государств. В завоевательных войнах брали верх то французы, то испанцы, но и те и другие одинаково безжалостно грабили и разоряли итальянцев.

Страшные дни пережил молодой Джованни Бруно в Риме в мае 1527 года, когда папская столица¹⁶ была взята наемниками испанского короля. В продолжение многих столетий Вечный город не подвергался такому варварскому разгрому. Бруно едва смог избежать гибели.

Выслушав взволнованный рассказ отца, мальчик коснулся шрама на его шее.

– Ты там получил вот это?

– Да. Но испанский пикинер¹⁷ поплатился за эту рану жизнью.

– А рубец на боку?

– Этот мне остался на память о том времени, когда я сражался за свободу Флоренции.

¹¹ Терцина – особый вид стихотворной строфы, состоящей из трех строк.

¹² Так называли Данте итальянцы.

¹³ В 1545 году.

¹⁴ Дукат – золотая монета в Италии XVI века.

¹⁵ В 1548 году.

¹⁶ Город Рим был столицей Папской области, он назывался Вечным городом.

¹⁷ Пикинер – воин, вооруженный пикой, копьеносец.

По рубцам и шрамам старого солдата можно было изучать историю борьбы итальянского народа с угнетателями за два с лишним десятилетия.

Когда Бруно удалось спастись из разоренного Рима, он пробрался на север и стал служить Флоренции, где как раз вспыхнуло восстание против власти испанских угнетателей и своих собственных тиранов¹⁸ Медичи. Чужеземный гарнизон и сторонники Медичи были изгнаны, и власть в городе захватил средний класс – ремесленники, мелкие торговцы; к ним примкнули городские бедняки и часть буржуазии.

Восставшие действовали решительно. Они не только отбивали врагов от стен города, но и высылали отряды для освобождения территории республики и захвата продовольствия. В одном из таких отрядов сражался Джованни Бруно.

Одиннадцать месяцев длилась неравная борьба. Против мятежного города выступили не только испанцы, но и войска римского папы Климента VII, который простил испанцам разрушение Рима и даже вступил с ними в союз, лишь бы раздавить свободу Флоренции: Климент VII сам был из рода Медичи.

Сорок тысяч солдат насчитывала союзная армия испанского короля, римского папы, тиранов Медичи. А республика могла противопоставить врагам только тринадцать тысяч воинов. Правда, наравне с воинами стены Флоренции защищали горожане и крестьяне, собравшиеся в город из окрестностей.

Героическая Флоренция пала, революцию погубили изменники.

Флоренцию, как и всякий другой итальянский город, наводняли монахи многочисленных монастырей, священники городских церквей. С самого начала восстания они повели себя предательски. Выражая притворное сочувствие народу, церковники пробирались в стан врагов, выдавали им военные тайны, указывали слабые места в обороне города, сеяли смуту и раздоры среди восставших. Они грозили господним гневом богачам, которые защищали революцию.

Когда такое коварство раскрылось, душа Джованни Бруно была потрясена. Он не утратил веру в Бога, но возненавидел его служителей. С годами ненависть и презрение Бруно к церковникам возросли. В семье старый солдат не скрывал своих взглядов, и между ним и религиозной Фраулисой случались частые споры. Джованни возмущался, когда его жена старалась внушить Фелипе уважение к монахам, навещавшим дом.

Между отцом и матерью происходила борьба за душу мальчика. Если Фраулиса говорила сыну о благочестии своего духовника,¹⁹ отца Бартоломео, то Джованни лукаво замечал:

– А ты видел, Фелипе, как отец Бартоломео накинулся на карпа, что зажарила ему твоя мать? Можно было подумать, что бедняга целую неделю не ел! И то сказать, набить такое брюхо – не шутка!

И мальчик уже не мог с благоговением смотреть на жирного святошу.

Фраулиса воспевала мальчику добродетель монахов, отрекшихся от земных благ и смиренно возносящих молитвы Богу за грешных людей. Старик знаменщик растолковывал Фелипе, что ни один монах не вскопал ни клочка земли, не посадил ни одной виноградной лозы, а меж тем в монастырях вино льется рекой, а в церквях и монастырях собраны несметные сокровища.

Влияние отца брало верх: для Фелипе человек в рясе становился воплощением коварства, праздности, обжорства, корыстолюбия...

Не всегда вечерние беседы шли о походах и войнах. Ведь мальчик в своем умственном развитии далеко ушел от десятилетних сверстников. Как-то раз, глядя на двуглавую вершину Везувия, который успокаивался после апрельской вспышки, Фелипе спросил:

– Отец, почему люди живут так близко от вулкана? Ведь он может убить!

---

¹⁸ Тиранами назывались единоличные правители в городах-республиках Италии в XIII–XVI веках.

¹⁹ Духовник – религиозный наставник, которому верующие открывают свои грехи на исповеди.

Джованни ответил после недолгого раздумья:

– Видишь ли, сынок, Везувий редко пробуждается от векового сна. А где быстрее созревает виноград, где слаще апельсины, чем в нашей родной Кампанье,²⁰ дочери Везувия? Лава вулкана страшна, когда она выливается из кратера, – старый Бруно улыбнулся, – что ж, не становись на ее пути. Зато, когда она остынет, дает отличный материал для постройки домов, заборов, дорог. А пепел, смешавшись с землей, делает ее необычайно плодородной.

– Отец, – сказал Фелипе, – монах Бартоломео уверяет, что наши покровители – святые Дженнаро и Феличе, а на самом деле...

– На самом деле – это силы природы, среди которой человек живет от рождения до могилы.

Разговор оборвался.

В один безлунный вечер, когда небо особенно густо было усыпано звездами, Фелипе, задумчиво глядя вверх, спросил:

– Что такое звезды, отец?

Старый Бруно, помолчав, ответил:

– Трудный вопрос ты задал, Фелипе! Я думаю, звезды – это искры небесного огня, которые горят в вышине, за тысячи миль от Земли...

Фраулиса, сидевшая неподалеку с вязаньем в руках, живо отозвалась:

– Вот и не так! Звезды – это глаза ангелов-хранителей, следящие с высоты за нами, грешными людьми.

Объяснение матери больше говорило детскому воображению и понравилось мальчику. Фелипе спросил:

– Ангел-хранитель к каждому человеку приставлен, мама?

Мать утвердительно кивнула головой.

– Значит, у каждого человека и своя звезда?

– А как же, обязательно!

– А где моя звезда?

Фраулиса вздохнула:

– Ни одному человеку не дано знать, где его звезда... Лишь когда он умирает... Смотри, смотри!

По небу пронесся яркий метеор, оставив за собой быстро угасавший огнистый след.

Фелипе растерянно спросил:

– Что это, мама?

– Умер человек, – торжественно произнесла Фраулиса. – И звезда его скатилась с неба.

Мальчик смотрел в небо расширенными от волнения глазами. Как все это было удивительно, интересно...

При первой встрече с Лодовико Тансилло Фелипе спросил у него:

– Скажите, крестный, правда ли, что у каждого есть своя звезда и она падает, когда человек умирает?

Тансилло привык серьезно относиться к вопросам своего ученика, иногда совершенно неожиданным.

– В народе есть такое поверье, – сказал поэт, – но, конечно, небеса равнодушны к судьбам людей.

Фелипе не понял, и Тансилло разъяснил:

---

²⁰ Кампаньей (от итальянского сапрагна – поле, сельская местность) называется область Южной Италии, окружающая Неаполь. Часто эту местность называли Счастливой Кампаньей.

– Дело в том, что звезд на небосклоне не так много, как кажется. У меня есть приятель монах, любитель астрономии, науки о небесных светилах. Он мне говорил, что на небесном своде только три тысячи звезд.

– Это очень много! – воскликнул Фелипе.

Тансилло рассмеялся:

– Всех звезд неба не хватило бы на жителей одной Нолы. А ведь есть и Неаполь, и Флоренция, и Рим, и тысячи городов и великое множество сел в Италии, Испании, Греции и других странах...

Фелипе слушал затаив дыхание. Перед ним вставала необъятность мира, доселе заключенного для него лишь в той части Кампаньи, которую мальчик мог видеть с вершины Везувия...

Лодовико Тансилло продолжал объяснения:

– Издревле люди видят на небе одни и те же фигуры, называемые созвездиями. Ты знаешь Колесницу Давида,²¹ Кассиопею, Северную Корону. Как сохранились бы созвездия в течение тысячелетий, если бы звезды падали с неба в момент смерти каждого из нас, бесчисленных земных созданий?..

Наивная легенда, рассказанная матерью, рухнула, и у Фелипе появилось страстное желание учиться астрономии.

– А где живет этот монах? – спросил Фелипе. – Я бы хотел расспросить его о небе.

– Он уехал из Венозы. Но в Неаполе есть знатоки благородной науки астрономии.

Слова Тансилло глубоко запали в душу Фелипе Бруно.

---

²¹ Так называли в средние века в Западной Европе Большую Медведицу.

Глава четвертая Непоправимая беда

Фелипе поправлялся. Волдыри от ожогов на лице и руках лопнули и подсохли, кожа начала слезать, и вместо нее появлялась свежая, розовая. Фелипе смахивал на леопарда, но это не отражалось на его хорошем настроении.

Друзья атамана проникали в сад беспрепятственно, и строгая Фраулиса мирилась с их посещениями. Мальчишки каждый раз затевали спор, какое бы придумать испытание на смелость для Луиса, чтобы оно посрамило его и доказало превосходство Фелипе. Выдвигались самые разнообразные проекты. Один предлагал отправиться обеим командам к горячему источнику, каких было множество у подножия Везувия, и там Луис должен будет держать руку в кипятке, сколько вытерпит.

Другой говорил:

– А что, если пойти к Собачьей пещере...²²

– Ну?!

– И там Луис будет сидеть, пока не начнет задыхаться...

Хохот спугивал воробьев с лимонных и апельсиновых деревьев и показывал сконфуженному выдумщику, что он заехал чересчур далеко.

Вопрос о первенстве отпал сам собой: все мальчишки Нолы признали Фелипе героем, а на Луиса Ромеро пало неизгладимое пятно бесчестия и позора. Не только гордый Джузеппе Висконти, но и остальные ребята из шайки Ромеро отвернулись от своего вожака. Маленький испанец тяжело переживал унижение. Но напрасно пытался он объяснить, что только вынужденная клятва...

– «Клятва, клятва»! – насмешливо перебивали мальчишки. – Уж лучше сознайся, что струсил!

Луис похудел, почернел. Его мучило страстное желание показать, что он отважнее Фелипе Бруно и способен на такой подвиг, который не под силу итальянцу. Сразиться бы один на один с бешеной собакой и победить ее голыми руками... Или отличиться на пожаре, вытащить из огня беспомощных детей и стариков... Но случай не подвертывался, а насмешки товарищей становились острее и резче и с каждым днем все больше раздражали Луиса.

Главарем насмешников был Джузеппе Висконти. Он прежде уважал Луиса, и трусливая клятва, данная маленьким испанцем отцу, возмущала Висконти до глубины души. При встречах с Луисом Джузеппе напрямик высказывал свое мнение о его поступке, и правдивые слова бывшего товарища заставляли Луиса выходить из себя. Он решил отплатить Джузеппе.

Висконти любил гулять в одиночестве по склонам Чикалы. Там, в густой роще, и подкараулил его мстительный Луис. Выскочив из-за дерева, он ударил Джузеппе в спину тяжелым камнем. Висконти свалился на землю, и рядом с ним рухнул ничком потерявший равновесие Луис. Но он тотчас с диким воплем вскочил, зажимая ладонью правый глаз, из которого струилась кровь.

От невыносимой боли Луис кричал так громко, что прибежали люди из ближайшего виноградника. Они отнесли в город обоих мальчиков: потерявшего сознание Джузеппе и беспрерывно вопившего Луиса, у которого из глаза торчала щепка.

К пострадавшим вызвали врача. У Джузеппе оказалось повреждение позвоночника, надолго приковавшее мальчика к постели. А Луис Ромеро лишился правого глаза.

---

²² В Собачьей пещере близ Неаполя из расщелин в почве выходит углекислый газ. Собака, оставленная на полу пещеры, задыхается, так как углекислота не годится для дыхания.

Капитан городской стражи предположил, что глаз сыну выбил в драке Джузеппе Висконти. Но у Луиса нашлось мужество рассказать, как было дело. Весь гнев барджелло и его сына обратился против Фелипе Бруно: его стали считать первой причиной всех этих печальных событий. Мать Луиса робко намекала, что мальчик сам виноват в несчастье: не надо было нападать на Джузеппе. Но ее мнение слишком мало значило в семье.

Через две недели после трагического случая на горе Чикало Луис Ромеро появился в городе с узкой черной повязкой через лицо, закрывавшей вытекший глаз. Взгляд оставшегося глаза был сумрачен и дик, и маленькие ноланцы со страхом обходили Луиса стороной.

Теперь Луис строил планы кровавой мести сопернику, отнявшему у него честь, сделавшему его уродом. Луис не хотел винить в своей беде себя, он упорно считал виновником Фелипе.

«Пусть только Бруно начнет выходить из дому, – думал Луис, – я его подстерегу с кинжалом...»

Но планам мести не суждено было осуществиться: судьба на долгие годы разъединила Фелипе Бруно и Луиса Ромеро.

Капитана Ромеро отозвали из Нолы в Испанию, и барджелло уехал со всей семьей.

Глава пятая Семейный совет

Узнав о несчастье Луиса, Фелипе Бруно жалел испанца, хотя и сознавал, что тот пострадал из-за своего буйного, несдержанного нрава. Фелипе часто раздумывал над тем, как в дальнейшем сложатся их отношения, но друзья принесли ему весть об отъезде семьи Ромеро.

Себастьяно Ленци с гордостью сказал Фелипе:

– Теперь ты будешь предводителем всех ноланских мальчишек! Поправляйся скорее, и порезвимся уж мы в чужих виноградниках!

Но и для Фелипе пришел черед покинуть Нолу.

В начале августа, в предвечерний час, по каменистой тропинке у дома Бруно зацокали копыта мула. У калитки мул остановился, и с седла спустился невысокий толстый человек в дорожном плаще и широкополой соломенной шляпе. Круглое полное лицо приезжего сияло весельем, маленькие серые глазки смотрели добродушно. Когда он вошел во двор, Фраулиса бросилась к нему с криком:

– Джакомо!

– Здравствуй, сестра!

Худенькая Фраулиса исчезла в мощных объятиях Джакомо Саволино.

– А где Джованни? Где племянник Фелипе?

– Муж скоро вернется с поля, а Фелипе, если не читает книжку, значит, где-нибудь носится с ребятами.

Джакомо был приятно поражен:

– Парень умеет читать?

– Да еще как бойко! – похвалилась Фраулиса, но тут же прикусила язык, вспомнив про завистливых демонов и их козни.

– Это хорошо... хорошо... – повторял Джакомо, входя за сестрой в прохладу хижины.

Перед гостем появился кувшин кианти,²³ хозяйка положила на чисто выскобленный стол ломоть хлеба, кусок козьего сыра, головку сладкого лука, поставила блюда с соленым миндалем и с улитками²⁴ – угощение бедняков.

Вскоре собралась вся семья. Первым прибежал к ужину проголодавшийся Фелипе, а за ним пришел и усталый Джованни Бруно. Бросив мотыгу за дверь и утерев пот со лба, он радушно приветствовал шурина, с которым не виделся уже пять лет.

Обводя взглядом выбеленные мелом стены комнаты в домишке Бруно и бедную ее обстановку, Джакомо сказал:

– Ну, зятек, вижу, что, пока мы с тобой не видались, ты богатства не нажил!

Бруно кивнул головой:

– Как видишь, друг. От аренды клочка земли не выстроишь каменного дворца, как у ноланских богачей. Лучше расскажи, как у тебя дела идут, как торговля сукном?

Джакомо Саволино беззаботно махнул рукой:

– Лопнула торговля! Разве при испанцах наторгуешь? Задушили поборами. Мой флорентийский родич Бассо Беллини, с которым мы торговали на паях, разорился первым, а за ним полетел и я...

Фраулиса с неудовольствием заметила:

– Он с детства такой, наш Джакомино. От любой беды смешком отделяется.

---

²³ Кианти – сорт виноградного вина.

²⁴ Итальянские крестьяне разводили съедобных улиток в хорошо удобренной почве.

– А чего горевать, сестра? – весело отозвался неудачливый купец. – Тебя заботы да тревоги иссушили, а я видишь какой гладкий!

– Значит, не голодаешь, – сделала вывод Фраулиса.

– Что верно, то верно, – захохотал сер Джакомо. – Я новое дело нашел, оно и спокойнее и прибыльнее торговли. Бьюсь об заклад, нипочем не отгадаете какое! – И, не дождавшись ответа, Саволино объяснил: – Я соержу в Неаполе ученический пансион.

Фраулиса не поняла.

– Нанял дом у обедневшего патриция и принимаю учеников, сынков богатых родителей. Я их кормлю и пою, их обучают нанятые мной учителя, а за все это... – Джакомо прищелкнул пальцами, – мне в кошель сыплется звонкая монета.

Джованни Бруно с уважением посмотрел на шурина.

– Завидую твоему умению изворачиваться, – со вздохом сказал он. – Только вот чего я в толк не возьму. Ты в науках не больно много смыслишь, как же проверяешь учителей? Они, может, такого нагородят...

– Ну, уж нет, – самодовольно возразил содержатель пансиона. – Я кого попало не беру. Мои педагоги известны всему Неаполю, так что и заведение мое в почете.

– Радуюсь твоему успеху, – искренне молвил Бруно.

– А я хочу, чтобы от моего успеха и вам была польза. Дело такое, брат! – Он притянул к себе Фелипе и погладил по темным волнистым волосам. – Парень растет, и надо ему определить дорогу в жизни. И вот мое предложение: я хочу взять в пансион Фелипе и кого-нибудь из мальчишек брата Шипионе.

– Спасибо, брат, да ведь у нас звонкой монеты нет, – попытался отшутиться Джованни.

Но Саволино побагровел так, что чуть не брызнула кровь из тугих щек, и яростно грохнул кулаком по столу.

– Ну, зять!.. Если б не наша давняя дружба... Неужели ты думаешь, что я возьму с вас хоть сольдо?²⁵ Своих детей я потерял, потому и решил: где три десятка ребят питаются и учатся, там и еще двоим место найдется.

Джованни Бруно растрогался до слез, а Фелипе запрыгал от восторга: поехать в Неаполь, изучать науки... Могло ли что-нибудь быть заманчивее?

Но Фраулиса сидела молчаливая, задумчивая.

– Надо собрать семейный совет, – наконец сказала она. – Такие большие дела с одного слова не решаются.

Разочарованный Фелипе чуть не заплакал, но отец согласился с мнением жены.

– Первым делом надо сказать Шипионе с Лауренцой, – молвила Фраулиса, – ведь дело идет и о их сыне. Еще позовем сера Лодовико: он крестный отец, да и грамоте Фелипе обучил. Ну, и обязательно пригласить отца Бартоломео, духовника...

– Стоп! – вскипел старый Бруно. – Этому жирному сладкоголосому бездельнику не место на нашем совете!

И тут отставной солдат дал такую характеристику попам и монахам, что Фраулиса только бледнела и краснела. Но она молчала, мужу опасно было возражать, когда тот приходил в ярость.

– Монахи избавлены от трудов и забот, какие выпадают на долю большинства людей, это обжоры и лентяи, – гремел Джованни Бруно. – Попы и монахи толкают людей на воровство, грабежи, убийства: ведь по их вероучению достаточно купить индульгенцию²⁶ – и душа зло-

---

²⁵ Сольдо – итальянская медная монета.

²⁶ Индульгенция – папская грамота о прощении грехов. Продажа индульгенций приносила римским папам огромные доходы.

дея вместо заслуженного ада попадает в чистилище,²⁷ а оттуда и в светлый рай! Да где же тут справедливость? Я верю в единого всемогущего Бога, Творца неба и земли, но ненавижу его самозванных слуг, заклеймивших себя позором предательства. Кто первые пособники испанских угнетателей? Кто с церковных амвонов уговаривает нас смиренно покоряться своей участи в надежде на райское блаженство? А я перестал верить в райское блаженство, я на земле хочу жить по-человечески.

Фелипе впитывал горячие речи отца с ужасом и восторгом. А Фраулиса при первых же резких словах мужа бросилась к двери, плотнее прикрыла ее, прижалась к ней спиной, стараясь, чтобы ни одно мятежное слово Джованни не вылетело наружу. Инквизиции²⁸ в Неаполе не было, но духовенство и без нее умело расправляться с «еретиками», а еретиком считали всякого, кто даже в мелких религиозных вопросах расходился с мнением церкви.

Когда Бруно открыто заявил, что не верит в райское блаженство, Фраулиса побледнела как мел и вскрикнула:

– Опомнись, Джованни, ты богохульствуешь! Не дай бог, это дойдет до святых отцов!

Бруно гневно повернулся к жене:

– Ты, что ли, донесешь на меня?

Видя, что жена замолкла и только умоляюще смотрит на него, Джованни остыл и даже сказал несколько примирительных слов.

Фраулиса не стала настаивать на приглашении отца Бартоломео, но не потому, что отказалась от намерения выслушать его совет.

«Пойду к нему на исповедь, – думала она, – и там расскажу о предложении брата. А звать в дом отца Бартоломео опасно: мой сумасшедший муженек такого ему наговорит, что потом не разделаешься...»

Семейный совет собрался утром на следующий день.

Шипионе Саволино, арендатор, живший в том же поселке, лицом похожий на Джакомо, но не такой упитанный и веселый, пришел с женой Лауренцой, усталой равнодушной женщиной, матерью семи детей.

Тансилло, опрятный и щеголеватый, как всегда, не замедлил явиться. Он обрадовался, увидев синьора Джакомо. Братья Саволино и Лодовико Тансилло были друзьями детства и когда-то вместе играли на склонах Чикалы. Содержатель пансиона и поэт бросились в объятия друг другу.

Выслушав предложение брата отпустить к нему кого-либо из сыновей, Шипионе Саволино, с медлительными движениями земледельца, с лицом, обожженным солнцем, с грубыми негнушимися пальцами, неторопливо заговорил:

– По моему разумению, я думаю так. Моим детям отрываться от земли не следует. Способностей у них к учению нет: сколько Фелипе ни бился, ни одной буквы не запомнили. Так что ты, брат Джакомо, с ними намучишься. Спасибо тебе за доброту, только пусть мои ребята идут по той стезе, как им Бог определил. А насчет Фелипе, тут, конечно, отцу с матерью решать. Но кто поможет тебе, брат Джованни, обрабатывать сад и поле, когда сила придет к концу? Время наше немолодое, старость не за горами, а помещик не смотрит, старик ты или молодой, аренду подавай в срок. Не пришлось бы каяться, если отпустите Фелипе...

– Ничего, справимся, – отозвался Бруно.

Совсем по-другому говорил Тансилло. Он горячо заявил:

– Фелипе должен ехать без всяких разговоров, ему здесь делать нечего. У меня он взял, что мог. Читать на родном языке я его научил, но есть еще латынь, могучая латынь, праматерь

---

²⁷ Чистилище – по представлению верующих католиков, промежуточная ступень между адом и раем

²⁸ Святейшая инквизиция – духовное судилище, беспощадно каравшее за малейшие уклонения от католического вероучения. Инквизиция была утверждена в XIII веке и широко распространилась в католических странах Европы.

итальянского и других языков, международный язык ученых. Есть тривиум и квадривиум,²⁹ из которых я, жалкий невежда, знаю только немного...

У Фелипе сладко замирало сердце, когда он слушал названия неведомых, но, наверное, увлекательных наук, которые ему предстоит изучать в Неаполе. И среди них, быть может, есть и астрономия!

Решающий голос принадлежал матери. И хотя Фраулисе смертельно жаль было расстаться с ненаглядным сыночком, хотя она не успела посоветоваться с отцом Бартоломео, ее слово было твердое.

– Доля арендатора горькая, – сказала она, – и пусть уж она останется нам с отцом. А Фелипе поедет в Неаполь. Научится наукам, вырастет, может, прелатом³⁰ станет...

– Пусть он станет человеком, – закончил обсуждение Джованни Бруно.

Джакомо Саволино покидал поселок. Накормленный, напоенный, вычищенный мул пустился по тропинке, а на нем, за дядиной спиной, сидел Фелипе Бруно. И хотя он надолго, быть может навсегда, распростился с отцом и матерью, с веселой оравой друзей, с тенистыми роццами Чикалы, Фелипе всей душой стремился в будущее.

---

²⁹ В средние века курс учения в школах состоял из так называемых «семи свободных искусств». Первый круг – грамматика, риторика и диалектика – составлял тривиум (по-латыни – трехпутье). Далее шел квадривиум (перекресток) – арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Все эти науки были поставлены на службу богословию, так что общий характер образования был религиозный.

³⁰ Прелат – высшее духовное лицо в католической церкви, духовный сановник (кардинал, епископ, настоятель крупного монастыря).

Глава шестая

Неаполь

Крепкий мул быстро вез путников. Фелипе устал вертеть головой: так много интересного было вокруг.

Великолепные сады с апельсиновыми, лимонными, померанцевыми деревьями, отягощенными плодами, сменялись оливковыми и масличными рощами, а дальше дорога шла по городу с высокими узкими домами, стрельчатые окна которых защищали железные решетки. За городской стеной тянулись баштаны с арбузами и дынями и снова рощи, деревни, виноградники, сады, стройные кипарисы на вершинах холмов...

Ни одного необработанного клочка земли величиной хотя бы со скатерть не нашел бы странник в этом густо заселенном краю, где подземный огонь прогревал почву, а распавшаяся лава придавала ей удивительную плодородность.

Несколько раз пришлось переезжать речки по старинным каменным мостам, арками поднимавшимся над водой.

– Работа древних римлян, – с уважением говорил Саволино.

На дороге встречались изображения Скорбящей Божьей Матери. Их ставили на месте гибели путников, павших в схватке с разбойниками. Проезжая мимо иконок, сер Джакомо молчаливо снимал шляпу; Фелипе следовал его примеру.

После трехчасового пути показались стены Неаполя.³¹

Неаполь... Новый город греческих колонистов, один из древнейших городов мира, возникший задолго до начала нашей эры. Многие народы хозяйничали в Неаполе в разные эпохи его существования. Владели им римляне, остготы, византийцы, арабы и даже пришельцы из Северной Франции – воинственные нормандцы.

Следы чужеземных влияний сохранились в Неаполе и в характере построек, и в одежде, и в наружности, и в говоре неаполитанцев. Джакомо Саволино, дорогой рассказавший племяннику историю Неаполя, многое усвоил, присутствуя на занятиях пансионских учителей. Природный ум, хорошая память, жажда знаний дали Джакомо многое, хотя он и выглядел на первый взгляд простачком.

По мере приближения к Неаполю из-за городской стены все более выдавалась серая громада крепости Санта-Эльмо. Фелипе удивился, что жерла пушек были, нацелены на город.

– Дядя, почему пушки направлены на город? – спросил мальчик. – А если придут враги? Саволино горько усмехнулся.

– Видишь ли, дружок, – объяснил он, – испанцы боятся не тех врагов, что могут прийти извне, а тех, которые в городе. Они трепещут перед нами, итальянцами. Если бы не Санта-Эльмо, то в сорок седьмом году завоеватели были бы изгнаны из нашего города.

Саволино рассказал мальчику о восстании 1547 года, когда испанцы решили учредить в Неаполе инквизицию. Вооруженные столкновения начались 16 мая. Во время баррикадных боев погибли сотни горожан, но и испанцы понесли значительные потери. Десять дней продолжалась упорная борьба. Только пушки Санта-Эльмо помогли испанцам отбить восставших и удержать за собой город.

Все же испанскому королю и римскому папе пришлось отказаться от введения инквизиции в Неаполе и постановить, что дела еретиков будут разбираться местными церковными властями.

³¹ Neapolis – по-гречески означает Новый город.

– Так-то, малыш, был и я тогда воином, – с гордостью закончил рассказ Саволино. – Я водил отряд молодцов на расправу с изменниками-дворянами, перекинувшимися на сторону врага. Немало знатных голов склонилось в те дни на плаху, под топор палача. Но тссс... Об этом никому ни слова!

– А если узнают? – прошептал Фелипе.

– Не узнают: из предосторожности я назвался тогда гражданином городка Торре-Аннунциата, принял другое имя. Выглядел я тогда не увальнем, как теперь, а был гибким, стройным... После восстания я убрался во Флоренцию и там несколько лет торговал сукном. Нет, в почтенном содержателе пансиона Джакомо Саволино никому не признать опасного мятежника. – Саволино рассмеялся.

– Эй, сторонись, собачий сброд! – послышался сзади грозный окрик.

Саволино и Фелипе оглянулись: подымая облако пыли, их нагоняла карета, запряженная четверкой лошадей. Впереди скакала стража с аркебузами³² поперек седла, с короткими, поставленными стоймя пиками. Джакомо поспешно свернул с дороги, и карета, громокая, пронеслась мимо.

– Вице-король! – воскликнул Саволино, когда карета и всадники скрылись за поворотом дороги. – Проклятый наместник проклятого короля!

Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба, душитель свободы народов, сначала в Италии, позднее в Нидерландах, беспощадно расправлялся с врагами католической церкви и испанской короны. По его повелению погибли на виселицах, на кострах, под топором палача десятки тысяч людей.

Едва Фелипе успел выслушать рассказ дяди об Альбе и его «подвигах», сопровождаемый многими крепкими словами, как путники подъехали к городу.

У городских ворот стоял испанский караул. Солдаты в широкополых суконных шляпах с перьями, в красных мундирах и широких штанах, в кожаных ботфортах, вооруженные аркебузами и шпагами, смотрели на итальянцев свысока, разговаривали с ними грубо.

За въезд или выезд из города бралась плата: два сольдо с человека и пять с мула.

– Испанцы не успели обложить налогом только воздух, которым мы дышим, – с горечью сказал Саволино, когда ворота остались позади. – Домовладелец платит за каждый камин, за каждую дверь, за каждое окно в своем доме; купец платит за право торговать, портной – за право шить, цирюльник – за право стричь; плачу я за то, что содержу пансион... Э, да что перечислять! – Джакомо махнул рукой. – Мы понимаем, что без налогов государство не может существовать, налоги всегда были и будут, но надо же знать меру!..

Окраинами города путники проехали на улицу Добрых бенедиктинцев, где помещался пансион Саволино.

Огромный двухэтажный дом Леонардо Фазуччи давно нуждался в основательном ремонте. Стены его, когда-то окрашенные в нежно-розовый цвет, облупились, двери закрывались плохо и скрипели, черепица на кровле повыбилась. Но ни обедневший владелец, ни арендатор не думали тратить деньги на приведение здания в нарядный вид. Впрочем, большинство домов в Неаполе нуждалось в основательном ремонте.

Дядя объяснил мальчику:

– Ты думаешь, это от небрежности или скупости хозяев? Нет, милый мой, тут иная причина. Если бы кто вздумал приукрасить свое жилище, испанцы мигом взяли бы его на заметку: «Состоятельный человек, надо обложить его повышенным налогом!» А повышать-то некуда!

---

³² Аркебуза – старинное фитильное ружье, заряжавшееся с дула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.